

Поэт Польш Робсон

Первое выступление в Лужниках

Афиш, сообщающих заранее, что во Дворце спорта выступает Польш Робсон, в столице не было. Однако этот самый крупный московский зрительный зал оказался заполненным до отказа. Двенадцать тысяч москвичей вместили он вчера.

Волнение нарастает с каждой минутой. Взоры прикованы к сцене, где в любую секунду может появиться дорогой гость — наш друг Робсон, великий певец, непреклонный борец за мир, с которым советские люди не виделись девять долгих лет.

И вот огромный, плечистый, приветливо улыбающийся, он входит в зал. Под сводами дворца, словно морской прибой, прокатываются аплодисменты. Все встают и горячо, долго, от души рукоплещут. К артисту подбегает стайка малышей. Это московские пионеры — юные друзья «дяди Паши», как ласково, по-родственному они его называют. Огромен размах рук у певца, но и их не хватает, чтобы принять все букеты. Он бережно кладет цветы на крышку рояля, и они образуют целую гору.

Дорогого гостя приветствуют заслуженный артист республики Всеволод Аксенов и композитор Тихон Хренников. Робсон пожимает им руки, благодарит.

А там, слева от сцены, на трибунах поднимается с места крепкий седой человек. Голос его звучит твердо, на весь зал:

— Славному борцу за дело мира во всем мире — сердечный привет!

Вновь по рядам прокатываются дружные аплодисменты. Польш Робсон увидел этого мужчину и дружески помахал ему рукой.

Польш Робсон взволнован. Он не сразу начинает свое ответное слово. Его то и дело прерывают аплодисментами.

— Это трудно говорить, — начинает он по-русски и делает одну паузу за другой. — Но... большое спасибо!.. Я часто говорил там, в Америке: я буду в Москве... И я здесь!.. Вы помогали мне, давали силы, и я — здесь!.. Я здесь буду долго и еще и еще буду приезжать!..

Свою взволнованную речь Робсон закончил словами выдающегося борца за мир, прекрасного чилийского поэта Пабло Неруды:

— Пришел я в этот мир, чтобы петь и чтобы ты запел со мною!

И вдруг, как-то даже неожиданно,

раздаются аккорды — это Робсон знаком предупредил аккомпаниатора. Во весь простор огромного зала, от края и до края, раскатисто зарокотал знакомый, сразу берущий в плен робсоновский бархатный бас:

— Широка страна моя родная!..

Все двенадцать тысяч человек, которым посчастливилось вчера побывать во Дворце спорта, замерли от волнения, слушая великолепное пение. Но не только они слушали и видели любимого артиста. Робсон пришел в дома миллионов людей, сидевших в этот миг у телевизоров и репродукторов.

Вслед за русской песней звучит негритянская. В ней артист рассказывает о несчастной доле своего народа — «в

рабстве негры жили». Но он хочет, чтобы негры, где бы они ни находились, были свободны и счастливы. И он запекает «Оду к радости». Будто сама радость, как огромная птица, которая по слову поэта «объединяет всех людей под родным своим крылом», влетела в зал. Потом слышится чешская мелодия, — артист поет о великом сыне чешского народа Яне Гусе. Звучат немецкие, английские, русские, шотландские, китайские напевы. Каждой песне артист предпосылает краткое, выразительное предисловие. Он говорит о том общем в народных песнях, что их роднит, объединяет.

И вот — «Дубинушка»! Сколько чувства вкладывает артист, исполняя эту

старинную русскую песню! Голос льется легко, свободно. Артист раскачивается

в такт своему пению. Жест — скупой и точный — помогает донести до слушателей всю глубину переживаний. «Дубинушку» пришлось петь дважды — на бис.

Все, что поет Робсон, прекрасно. Но и у него есть любимые песни. Например, о Джо Хилле или о Джоне Брауне. Песню о национальном герое Брауне он прервал на середине, чтобы пояснить, что этот белый человек боролся за счастье негров, и в частности за освобождение отца Робсона.

Наш гость на этом концерте выступил и как замечательный драматический актер. По просьбе зрителей он проникновенно прочитал последний монолог шекспировского Отелло.

Весь мир облетела крылатая русская песня «Ноченька». Робсон пел ее еще в тот свой приезд, девять лет назад, пел дуэтом со своим московским другом И. С. Козловским. Вчера он исполнил ее один.

Борьба за мир, за дружбу между народами — вот что волнует певца и общественного деятеля Робсона. И, кажется, репертуар у него весь подчинен этой теме. Песни многих народов — больших и малых — звучали вчера в Лужниках.

— Черный, белый, желтый — все одно целое: человечество! — воскликнул артист.

Заключительным аккордом необычного, волнующего концерта-встречи явилась песня о великой реке Миссисипи. Как только замерли ее последние звуки, зал, притихший от очарования, ответил овацией не сразу. Потом она обрушилась, будто горный обвал, — со всех трибун летели рукоплескания, возгласы, теплые, дружеские слова. Людская лавина двинулась к сцене, и Робсон протянул свои руки ей навстречу. И очень трогательно, — на сцену забрался маленький мальчик. Он побежал за уходящим Робсоном. Тот обернулся, поднял малыша на руки, поцеловал.

Артист долго не уходил со сцены, отвечая на улыбки и теплые взгляды:

— Спасибо! Большое спасибо!..

Такой была встреча москвичей с любимым другом и великим артистом Робсоном. Она надолго запечатлелась в сердцах.

Д. ЗАРАПИН.

Выступление Поля Робсона во Дворце спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина.
Фото А. Пахомова.